

А.П. БАЛАЧЕНКОВА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СЛЕД В ДЕЛЕ ПРИНЦА ВИНДИШГРЕЦА 1925 – 1926 гг.

Это штуки начальника отделения. Ведь поклялся же человек непримиримою ненавистью — и вот вредит и вредит, на каждом шагу вредит.
Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего

Если его фамилию записывали как «Шульц», он вежливо поправлял: «Пожалуйста, пишите “Шульце”, с “е” на конце».
Г. Хруслов. Приключения Артура Шульце

В январе–мае 1926 г. в Будапеште проходил сенсационный судебный процесс по обвинению группы высокопоставленных фальшивомонетчиков в подделке французских тысячефранковых банкнот.

После заключения в Трианоне в июне 1920 г. мира со странами Антанты в Венгрии, располагавшей теперь лишь третьей своей «имперской» территории, поднялась волна реваншизма, направленная на пересмотр Трианонского мира и восстановление монархии Габсбургов. Идея подделки франков родилась у членов тайного общества «Этелькёци Версцёветсег» (*Etelközi Vérszövetség*) — сокращенно «Экзц» (*EKSZ*) — которое стало локомотивом Венгерской ирреденты. В 1920–1922 гг. «Экзц» неоднократно пытался пополнить партийную кассу путем подделки иностранных банкнот. Так, делались надпечатки к старым австро-венгерским банкнотам, имевшим хождение в Румынии, затем подделывались чешские купюры типа сокол. В том, что эти попытки долгое время оставались почти безнаказанными, нет ничего удивительного: в руководство организации входили премьер-министр граф Й. Бетлен, управляющий венгерскими почтово-сберегательными кассами Г. Барош, глава политической полиции И. Надоши, военный министр граф К. Чаки, бывший премьер-министр граф П. Телеки, а также бывший министр продовольствия принц Людвиг (Лайош) Виндишгрец, собственно, и давший свое имя будущему процессу [3, с. 138–140; 14; 16; 17; 19, 20, 22].

Являясь неофициальным министром иностранных дел, принц осуществлял контроль за зарубежными связями венгерской ирреденты. В феврале 1923 г. Виндишгрец предпринял продолжительную поездку по Германии, где через генерала Людендорфа познакомился с рядом влиятельных лиц, вел с ними переговоры, в ходе которых выяснилось, что в националистических кругах Германии обдумывается проект подделки французских банковских билетов и даже предприняты некие подготовительные шаги. Ввиду недоверия немецких партнеров к собственному правительству, Виндишгрецу было сделано предложение о переносе «предприятия» на территорию Венгрии. По возвращении в Будапешт Виндишгрец сразу же связывается с другими членами Экзц'а, в том числе с премьер-министром Бетленом, который одобрил идею и определил помещение, где следовало расположить мастерскую фальшивомонетчиков — Военно-географический институт в Будапеште. Куратором акции был назначен генерал Надоши, а в качестве непосредственного руководителя производственного процесса в институт был направлен военный картограф майор

Д. Герё. Надоши получил от Бетлена указание изготовить миллион экземпляров тысячефранковых банкнот. Цифра эта, однако, достигнута так и не была: в течение довольно продолжительного времени не удавалось добиться приемлемого качества бумаги и клише, в связи с чем первые банкноты в количестве 25 тыс. экземпляров были изготовлены только в середине 1925 г. [3, с. 141–142; 14; 16; 17; 19; 20; 22].

«Концессионеры» погорели на сбыте банкнот: эксперты, приглашенные Барошем для оценки качества продукции, смогли без больших затруднений отличить фальшивые купюры от подлинных; таким образом, оказалось, что реализация банкнот во Франции невозможна, и необходимо создать сеть агентов для сбыта фальсификатов за пределами Франции. Выполнение этой задачи поручили полковнику Генерального штаба А. Янковичу, который и провалил дело, явившись для размена тысячефранковой купюры в один из банков в Роттердаме, где кассир сразу же распознал фальсификат. По требованию французской стороны было начато следствие, участники аферы арестованы и в январе 1926 г. предстали перед судом. Приговор основным обвиняемым суровым не был, большинство из них отпустили в зале суда, максимальные сроки — по 4 года тюремного заключения — получили только Виндишгрец и Надоши, но и они через непродолжительное время были амнистированы. Столь мягкий приговор стал очередным публичным доказательством того, что власти, прежде всего, регент Венгерского королевства адмирал Хорти и премьер-министр Бетлен были осведомлены о происходившем в Военно-географическом институте, и что все это совершалось с их молчаливого согласия. На процессе звучали имена Уильяма Питта и Наполеона, к которым апеллировали защитники. Ни у кого не оставалось сомнений в том, что фактически имела место экономическая диверсия на государственном уровне [3, с. 143–147; 14; 16; 17; 19–22].

В межвоенный период о деле Виндишгреца в самой Венгрии старались не вспоминать. Интерес как венгерских, так и зарубежных историков и журналистов к «тысячефранковой афере» активизировался в 1990-е гг. и не снижается до сих пор [3; 10; 16; 17; 19–22], однако изучение данной темы затруднено физическим уничтожением части фондов центральных архивов (в том числе судебного) во время событий 1956 г. [18, р. 207]. Именно по этой причине современному исследователю Б. Аблонци [16; 17] для воссоздания полной картины аферы с тысячефранковыми банкнотами пришлось обращаться к Архиву министерства иностранных дел Франции в Нанте (*Centre des Archives Diplomatiques de Nantes (CADN)*), где хранятся копии свидетельских показаний

по делу, затребованные потерпевшей стороной. До того, как эти материалы были введены в научный оборот, основным источником информации о деле Виндишгреца оставались многочисленные публикации в венгерской и в целом европейской прессе, освещавшей процесс.

Именно из газет заинтересованный читатель смог впервые узнать имя главного технического консультанта венгерских фальшивомонетчиков — **Артура Шульце**. О Шульце одновременно сообщали, что он был «фотографом» [20, р. 3], «немецким печатником, родившимся в Прибалтике», «банковским специалистом родом из Литвы», «бывшим служащим российской государственной типографии» [16, ol. 35]. Немецкие газеты националистического толка писали о нем как об убежденном социал-демократе, венгерская либеральная пресса высказывалась о его еврейском происхождении и рисовала радикальным социалистом [16, ol. 35]. Выяснилось, что находясь в Будапеште в 1923 г. с известной целью, Шульце пробовал получить венгерский патент на некое изобретение, связанное с защитой банкнот [16, ol. 35; 20, р. 3]. Более того, одна из газетных публикаций намекала, что Шульце «случайно» принял участие и во французских опытах фальшивопечатания [16, ol. 35].

Ценным, хотя и в известной степени опосредованным источником, содержащим сведения об А. Шульце, является мемуарный труд «Фальшивомонетки Третьего рейха. Операция “Бернгард”», написанный в 1955 г. участником этой операции, бывшим офицером VI Управления РСХА Вильгельмом Хёттлем, скрывшимся за псевдонимом Вальтера Хагена [14]. Дело в том, что об афере с франками вспомнили в Германии в связи с подготовкой экономической диверсии против Великобритании. Одна из глав книги Хёттля посвящена подготовке первой фазы будущей операции «Бернгард», частью которой стал его собственный аналитический отчет 1940 г. о причинах неудачи венгерской аферы, составленный по поручению начальника РСХА Р. Гейдриха [14]. В отчете Хёттля нашли отражение как материалы австрийской и немецкой прессы, так и личные беседы с Виндишгрецем, имевшие место в Будапеште. При этом, как вспоминал Хёттль, свои рассказы тот «подкрепил документально, показав мне оригиналы писем ведущих политиков тогдашней Венгрии и другие письменные материалы» [14].

Вот что пишет Хёттль о знакомстве Виндишгреца с Шульце, состоявшемся во время осмотра немецкой мастерской по изготовлению фальшивой валюты под Кёльном, которой руководили полковник М. Бауэр и корветтен-капитан Г. Эрхардт, в прошлом — организаторы капповского путча [14]: «Как раз во время этой поездки Виндишгрец познакомился с инженером Шульце, который принял активное участие в афере по изготовлению фальшивой валюты. Он был выходцем из Прибалтики, занимал руководящую должность в одной из русских государственных типографий, а бежав от большевиков, прихватил печатные пластины для выпуска червонцев — десятирублевых купюр, вошедших в обращение в России после 1922 года. Шульце был социалистом и не имел никаких связей с немецкими националистическими кругами, однако волею судьбы познакомился в первые же годы своей эмиграции с полковником Максом Бауэром, с которым сблизился.

При осмотре мастерской фальшивомонетчиков <...> Шульце показал венгерскому гостю образцы бумаги, на которой должны были печататься фальшивые франки, и рассказал, что ему удалось найти искусственный заменитель тропических растений из Индокитая, используемых французским национальным банком для изготовления бумаги для банкнот ... Шульце, бывший специалистом в этой области, считал, что фальшивку можно изготовить таким образом, что даже французские банки не отличат ее от настоящих банкнот. Увиденное произвело на Виндишгреца огромное впечатление, и, как он мне признался, именно в том таинственном подвале под Кёльном у него окрепло решение использовать изготовление фальшивых франков в интересах Венгрии» [14].

Беллетризованные мемуары Хёттля послужили источником для немецкого журналиста Г. Вермуша при создании популярной книги об истории фальшивомонетничества [3], правда, по версии Вермуша, Шульце уехал из России еще до Первой мировой войны, украв формы для печати не советских червонцев, а, соответственно, царских банкнот, использованные затем в Австро-Венгрии для экономической диверсии против России [3, с. 141]. Подозревал Шульце в краже клише для романовских банкнот и другой популярный автор — Г.Н. Польской [9, с. 62; 10, с. 80]⁹. Именно он впервые связал Шульце с Экспедицией заготовления государственных бумаг (сославшись на неназванные «архивы» и упомянув про «высокий пост», который тот в ней занимал) и посетовал на отсутствие у исследователей интереса к этому «авантюристу и проходимцу» [10, с. 80]. Мы решили принять вызов Г.Н. Польского и узнать, кем же в действительности был Артур Шульце.

Информация о Шульце обнаружилась в фонде Экспедиции заготовления государственных бумаг (далее — ЭЗГБ) в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга (ЦГИА СПб, ф. 1458). Это дело Домовой конторы ЭЗГБ об Артуре Иванове Шульце (Оп. 1. Д. 14822), а также дела Канцелярии ЭЗГБ: «Об испрошении высочайшего разрешения на принятие русского подданства служащими в ЭЗГБ подданными иностранных государств» (Оп. 2. Д. 825), «О заключении условия эзгв с Артуром Шульце на изобретенную им трехлинейную сетку для автотипии» (Оп. 2. Д. 854), дела «Об участии ЭЗГБ в конференциях эмиссионных банков Европы» (Оп. 2. Д. 992; Оп. 10. Д. 1). Кроме того, чрезвычайно важными с точки зрения интересующего нас вопроса оказались два дела 1917 г., хранящиеся в фонде Ленинградской бумажной фабрики Гознака в Центральном государственном архиве С.-Петербурга (ЦГА СПб) — «О клевете Шульца на Поповицкого, Ольховского и Турчиновича» и рабочие материалы следственной комиссии по разбору его заявления (ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30 и 25).

Как следует из документов ЭЗГБ, Артур Шульце родился в 1876 г. в Саксонии (а не в Прибалтике, как представлялось до сих пор), в известном своим обширным парком курортном городе Бад Мускау⁵. А вот его социалистические взгляды, очевидно, не были выдумкой — о своем происхождении и семье Шульце весной 1917 г. писал так: «Я сын бедных родителей. Мой отец принадлежал к той политической группе, которая образовалась вокруг Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта. Детство мое совпадает со временем Исключительного закона против социалистов [1878 — А.Б.], когда членам этой группы угрожала высылка и тюрьма»⁴.

Никаких фактов о получении Шульце специального образования обнаружить не удалось, но очевидно, что к двадцати годам он обучился хромотипографии и, видимо, приобрел какую-то известность в профессиональной среде (в 1917 г. главный техник ЭЗГБ по художественной части Р.Г. Заррин даже отзывался о нем как о хорошем рисовальщике⁶). В 1896 г. заведующий художественными работами ЭЗГБ Густав Игнатьевич Франк, искавший в Европе, прежде всего в Австрии и Германии, для задач Экспедиции специалистов определенной квалификации⁴, обратился в гамбургскую посредническую фирму «Леннингс и Гизинг», которая и разыскала Шульце⁷. Шульце едет в Россию, но по неизвестной причине попадает не в Петербург, а в Одессу, в металлографскую мастерскую при одесском филиале «Генерального общества французской ваксы» А. Жако⁸, находившемся на Молдаванке [8]. У Жако Шульце проработал четыре месяца, после чего уволился и стал брать частные заказы⁹; через полтора года он вернулся в Германию. Возможно, в Одессе Шульце оказался не случайно: здесь с середины XIX в. работало несколько крупных типографий, управлявшихся выходцами из Саксонии и Пруссии, в том числе типо- и литография «прускоподданного» Августа Шульце¹⁰.

Следующая попытка устроиться на работу в Экспедицию оказалась успешной: приехав в Петербург летом 1898 г., он в октябре того же года смог поступить в Испытательное отделение

Г. хромофотографу Экспедиции Заготовления Государственных Вумагъ, личному почетному гражданину Артуру Ивановичу Ш У Л Ь Ц Е .

Экспедиция Заготовления Государственных Вумагъ симъ предоставляет Вамъ право испытать на дѣлѣ, въ мастерскихъ Испытательной Станціи Экспедиціи, - во время производства въ нихъ работъ, изобрѣтенную Вами трехлинейную сѣтку для автотипіи, съ принадлежащею къ ней системою діафрагмъ, и пользоваться всѣми имѣющимися въ Экспедиціи матеріалами и приборами, необходимыми для этой цѣли, на слѣдующихъ условіяхъ: 1. Всякіе новыя приспособленія и предметы, неимѣющіеся въ Экспедиціи, которые потребовались-бы Вамъ для указанной цѣли, могутъ быть изготовляемы или приобретаемы ею не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія Управляющаго Экспедиціею, 2. Вы предоставляете Экспедиціи полное и неограниченное право безвозмезднаго пользованія, для ея надобностей, изобрѣтеніемъ Вашимъ, при условіи, что Экспедиція будетъ держать таковое въ тайнѣ. 3. Предыдущій [второй] пунктъ настоящаго условія сохраняетъ полную силу относительно пользованія изобрѣтеніемъ и тогда, если-бы Вами была взята на таковое привилегія въ Россіи или за границею, или-же право на это было Вами кому-либо уступлено, - къ чему Экспедиція, съ своей стороны, никакихъ препятствій ставить не будетъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ случаевъ Вы имѣете сдѣлать въ договорѣ надлежащую оговорку, обеспечивающую за Экспедиціею право пользованія, на указанномъ въ п. 2 основаніи, помянутымъ изобрѣтеніемъ. 4. Если-бы кѣмъ либо, помимо Васъ, была взята привилегія на тождественное съ Вашимъ изобрѣтеніе, то Вы предоставляете Экспедиціи право доказывать на судѣ, въ огражденіе принадлежащихъ Экспедиціи по сему условію правъ, тождественность привилегированнаго изобрѣтенія съ Вашимъ, для чего Вы обязуетесь, по окончательной разработкѣ изобрѣтенія Вашего, представить Экспедиціи детальныя, за собственноручною Вашою, засвидѣтельствованною нотаріусомъ, подписью, чертежи и описаніе этого изобрѣтенія. 5. Въ случаѣ смерти Вашей, настоящее условіе сохраняетъ свою силу и по отношенію къ учрежденіямъ или лицамъ, къ коимъ перейдетъ право собственности на Ваше изобрѣтеніе. 6. Предоставляемое Вамъ настоящимъ условіемъ право пользоваться мастерскими, матеріалами и приборами Экспедиціи, для выработки Вашего изобрѣтенія ограни-

чивается девятидесятилетним сроком, считая со дня подписания настоящего условия, если Вы до истечения этого срока не оставите службы в Экспедиции, и с тем, чтобы Вы, в свободное от производства Вами опытов время, занимались порученными Вам хромофотографскими работами. 7. Подлинному условию быть у Экспедиции Заготовления Государственных Вуагов, а копии у г. Шульце.

*По полномочию
Управляющего Экспедицией Заготовления
Государственных Вуагов Владимиром
Саввичем Владимировичем Оттоновичем
Штудендорфом воеводи прусской
подданной князь милой по землице
гражданин Артур Иванович Шульце*

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предположения поднимать опыты соответственно в оных приустьевых мостах, Романа Александровича Мерца, С. Петербургского Нотариуса, в которых мой, Виссской части, по Вознесенскому проспекту № 13, Надворный Советник Владимир Александрович Оттонович Штудендорф, действующий на основании упомянутого Управляющего Экспедицию Заготовления Государственных Вуагов от 5 Апреля 1902 года за № 3687, в подлинном моем при сем представленного, и бывшего Прусским подданным, ныне личным Советником Гражданином Артуром Ивановичем Шульце, живущим: 1^ю Нарвской части, по 19 роту № 8, а 2^ю Коломенской части, по Садовой улице № 113, за немилостью свидетелей, представившими в удостоверение самошности своей свидетельства, выданные из Экспедиции Заготовления Государственных Вуагов: Штудендорфу - сего 6 Апреля за № 3738, а Шульце - 16 Сентября 1899 г.

ЭЗГБ на должность хромофотографа¹¹ в фототехническую мастерскую¹². При оформлении на службу Шульце был записан «германским подданным»¹³.

В 1900 г. Артур Шульце вместе с большой группой специалистов-иностранцев переходит по предложению управляющего ЭЗГБ кн. Б.Б. Голицына в русское подданство с возведением в звание личного почетного гражданина¹⁴. Предложение принять русское подданство преподносилось как акт высокого доверия и награда за «отлично-усердную службу» на благо ЭЗГБ¹⁵, но в случае совсем молодого и недавно принятого в Экспедицию Шульце о последнем говорить не приходилось.

В 1902 г. Шульце заявляет о себе как об изобретателе, предложив Экспедиции использовать сконструированную им трехлинейную сетку (растр) для автотипии с системой диафрагм¹⁶. Заключение об изобретении было поручено составить начальнику Шульце — заведующему фототехнической мастерской Граверно-художественного отделения Александру Александровичу Поповицкому¹⁷, который много работал тогда в области методов фоторепродукции. Хотя Поповицкий и написал положительное заключение¹⁸, впоследствии он отмечал, что «как изобретатель, г. Шульце — пустоцвет: еще при г. Франке, протезировавшем г. Шульце, ... за одно изобретение в литографском деле г. Шульце получил денежную премию, но в дальнейшем его изобретение оказалось непригодным и было оставлено»¹⁹.

Тем не менее, в тот момент было решено заключить с Шульце условие (договор) (илл. 1), согласно которому права на его изобретение передавались ЭЗГБ, а Шульце для доработки и внедрения растра временно переводился в Испытательную станцию²⁰ с оставлением за ним еще и обязанностей хромофотографа²¹. Несмотря на то, что срок его пребывания в Испытательной станции по условию был ограничен временем работы над сеткой для автотипии, Шульце, переведенному на станцию 1 октября 1902 г.²², удалось обосноваться там фактически до конца своей службы в ЭЗГБ в должности фототехника фотохимической мастерской. Кроме того, служащие Экспедиции начали замечать, что Шульце вообще позволялось больше, чем остальным, и объясняли это покровительством Г.И. Франка, которого считали кем-то вроде дальнего родственника Шульце²³. Так, Шульце слишком часто пользовался отпусками с сохранением содержания, в том числе длительными (свыше месяца), для поездок за границу по «*семейным делам*»²⁴. «Семейные дела» Шульце при этом казались довольно запутанными: на Рождество 1910–1911 гг. он ездил в Германию «на свидание с больной женой»²⁵, в марте 1911 г. — снова, «для решения крайне неотложных семейных дел»²⁶; на рождественские праздники 1911–1912 гг. уезжает опять. В июле 1912 г. он запрашивает документы, необходимые для предоставления в германские судебные органы по делу о разводе²⁷, однако в начале сентября 1914 г. обеспокоенная отсутствием известий Бланка Шульце будет разыскивать Артура Шульце через Швейцарскую миссию на правах законной супруги²⁸.

В марте 1907 г. Шульце подал прошение на трехлетний отпуск без сохранения содержания для поступления слушателем в Шарлоттенбургский политехникум²⁹. Управляющий Н.И. Тавилдаров, естественно, в отпуске отказал, и Шульце был уволен, но ему удалось получить обещание управляющего, что после окончания обучения его снова возьмут на службу³⁰. Для поступления в политехникум Шульце выдали «аттестат» (вероятно, подготовленный им самим), в котором говорилось, что «как в области хромофотографии, так и в разработке фототехнических способов г. Шульце оказал выдающиеся успехи»³¹. Однако трех лет в Берлине Шульце не провел: в мае 1909 г. он пишет оттуда прошение о возвращении на службу в Экспедицию «на прежнюю должность в Испытательной станции с прежним окладом», поскольку, как считал Шульце, «получив известное заключительное образование», он имел возможность «к своим художественным и техническим способностям прибавить еще научное усовершенствование», посредством которого собирался

«исполнить и задачи, лежащие вне границ» его бывшей деятельности³². Какое именно «заключительное образование» получал Шульце в Берлине — неизвестно, возможно, химико-технологическое: вскоре после возвращения из Германии и восстановления в должности Шульце принял участие в специализированной конференции химиков эмиссионных банков России, Германии и Австро-Венгрии, проходившей в Петербурге³³, хотя ранее (а эти технические конференции регулярно проводились с 1905 г.³⁴) он в них не участвовал.

Покровительство, оказывавшееся ему Франком, после окончательного разрыва последнего с ЭЗГБ (в конце 1911 г.)³⁵ начнет отрицательным образом отражаться на отношении к Шульце со стороны других сотрудников. В сентябре 1912 г. Шульце пишет жалобу Н.И. Тавилдарову на А.А. Поповицкого, обвиняя его в преднамеренной травле и угрожая уйти со службы, если не будут приняты меры. Суть обвинений сводилась к тому, что Поповицкий публично высказывал сомнения в способности Шульце выполнить в срок важный заказ — хромофотографию к 300-летию Дома Романовых на тему призвания на царство Михаила Федоровича³⁶. В числе претензий, предъявлявшихся Шульце к Поповицкому, было и обвинение в «злонамеренном» распространении слухов о его родстве с Франком³⁷.

Отношения Шульце и Поповицкого еще больше обострились в 1915–1916 гг., когда после так называемого дела А. Поста³⁸ Тавилдаров поручил именно Поповицкому и его сотрудникам разработку новых методов защиты банкнот, хотя до тех пор подобные работы считались прерогативой мастеров Испытательной станции, к числу которых относился и Шульце. Дело в том, что после разбирательства этого громкого дела заведующий Кабинетом научно-судебной экспертизы при прокуратуре Московской судебной палаты В.Л. Русецкий обратился в ЭЗГБ с предложением о разработке способов защиты ценных бумаг с применением фотометодов. Поскольку в это же время В.А. Ольховский, осваивавший под руководством Поповицкого фотографию, «случайно, путем комбинирования ... растров пришел к идее изготовления фотографическими приемами фонов» для защиты кредитных билетов, Поповицкий принял решение эти работы продолжить, находя в них «известный интерес для Экспедиции». Выяснилось, что Шульце параллельно шел по тому же пути, но Тавилдаров сделал выбор в пользу работ Поповицкого и Ольховского³⁹.

Развязка наступила весной 1917 г., уже в условиях порожденной Февралем крайней демократизации жизни Экспедиции и на фоне очередной волны шпиономании. 24 марта группа служащих Испытательной станции из семи человек подала на Шульце, прямо его не называя, заявление в Союз мастеров ЭЗГБ. Позволим себе его процитировать: «*В числе служащих Испытательной станции находится лицо, перешедшее в русское подданство из германского. Обстоятельство это не может не вызывать у нас смущения и беспокойства, ввиду следующего. Совершенно не касаясь личных качеств данного лица, можем указать, что, по нашему крайнему мнению, лицо, перешедшее из германского подданства, получившее воспитание в Германии (приглашенное в Экспедицию по инициативе, главным образом, лица, в свою очередь бывшего австрийского подданного, находящегося в настоящее время вновь на службе в Германии)⁴⁰, особенно при существующем в Германии двойном подданстве — вряд ли может считаться питающим прочную привязанность к нашему Отечеству — ничто не мешает ему перейти впоследствии в прежнее подданство. В виду этого, мы полагаем бы, что такое лицо не должно находиться на Испытательной станции, где производятся многие секретные работы весьма важного значения*»⁴¹. Далее предлагалось это «лицо» из Испытательной станции убрать или изолировать «под надзором» в отдельном помещении. Так, с медвежьей деликатностью, Шульце, давно вызывавший раздражение многих сотрудников⁴², был объявлен немецким шпионом, пусть и потенциальным.

Союз техников вошел с предложением об отстранении Шульце от работ в Испытательной станции в Общее собрание служащих ЭЗГБ, которое согласилось с мнением сотрудников

Испытательной станции⁴³, и новому управляющему М.К. Лемке 10 апреля 1917 г. была передана резолюция собрания. Лемке отдал распоряжение до выяснения обстоятельств Шульце от работы в Экспедиции отстранить⁴⁴.

20 апреля Шульце, желая, как он впоследствии признался, «выступить, защищая свое достоинство», и «в силу побуждения нравственного долга» против «интриги», каковой он счел заявление группы служащих Испытательной станции⁴⁵, подал на имя управляющего встречное заявление, где выдвинул обвинения против сотрудника Испытательной станции Н.Т. Турчиновича⁴⁶, бывшего административного заведующего фототехнической мастерской III отделения В.А. Ольховского⁴⁷ и главного мастера этой мастерской А.А. Поповицкого⁴⁸ (илл. 2). Турчиновича он обвинял в предвзятом к себе отношении и желании выселить из занимаемого Шульце отдельного кабинета⁴⁹, Поповицкого же и Ольховского — в том, что они «недобросовестно исполняют свои обязанности и этим наносят тяжелые убытки Экспедиции и государству». Речь шла об уже упомянутой разработке защитных фоновых сеток для банкнот, осуществлявшейся Ольховским под руководством Поповицкого весной 1916 г. Шульце ставил им в вину то, что эти работы, во-первых, не были согласованы с начальством(!); во-вторых, проводились в сверхурочное время (с целью дополнительного заработка) и, наконец, вообще являлись дорогими и бессмысленными⁵⁰.

28 апреля Шульце подал второе заявление, в котором обвинил Ольховского в покупке по завышенной цене (по наущению Поповицкого) и израсходовании в 1916 г. чрезмерного большого количества дефицитной в военное время уксусной кислоты для нужд фототехнической мастерской⁵¹. Для большей убедительности к заявлению прилагались прејскуранты аптечных складов⁵². Кроме того, 15 мая на имя управляющего было направлено еще одно заявление — от имени мастера гальванопластической мастерской П. Пучко (по всей вероятности, инспирированное Шульце), в котором автор, находившийся в свое время в непростых отношениях с заведовавшим в 1911–1916 гг. этой мастерской С.О. Максимовичем⁵³, другом А.А. Поповицкого, обвинял названные лица в неких махинациях с уксусной кислотой, а также в использовании других материалов Экспедиции в личных целях⁵⁴.

Обвинения, выдвинутые Шульце и, как казалось, подкрепленные заявлением Пучко, были признаны управляющим «настолько тяжелыми в служебном отношении», что он распорядился созвать специальную следственную комиссию для рассмотрения этих заявлений⁵⁵. С 19 мая по 6 июня 1917 г. прошло 5 заседаний комиссии, заслушавшей порядка 20 сотрудников и членов администрации⁵⁶.

Поскольку служащие, которые давали показания, ссылались на события и факты, относившиеся ко всему периоду службы Шульце в Экспедиции, документы следственной комиссии являются исключительно интересным источником, освещающим самые разные стороны жизни ЭЗГБ начиная с 1900-х гг. Эти материалы заслуживают отдельного и подробного рассмотрения. Здесь позволим себе коснуться лишь одного сюжета, как представляется, напрямую связанного с участием Шульце в венгерской афере.

В первом же слушании комиссия попросила Поповицкого рассказать о своей экспертной деятельности и о профессиональных достижениях Шульце. Вот, что записано в протоколе: «Производились в фототехнических мастерских *опыты по подделке кредитных билетов германских, австрийских и французских*. Наряду с этим г. Поповицким было сделана *подделка русского 3-х рублевого кредитного билета*, и в течение полутора месяцев работа Поповицкого была исполнена, причем самым несложным способом <...> Г. Шульце также в свое время изобрел *свой способ подделки кредитных билетов* и исполнял рисунки кредиток в увеличенном виде. Г. Поповицким было замечено, что способ г. Шульце *не достигает цели*, и что делать этого не следует»⁵⁷. Речь идет о подделках кредитных билетов и ценных бумаг, осуществлявшихся сотрудниками ЭЗГБ в исследовательских

(«испытательных») целях для поиска возможных методов и средств фальсификации денежных знаков и, соответственно, разработки на этой основе способов их защиты.

Исследовательская подделка была внедрена в практику экспертного подразделения ЭЗГБ (Испытательного отделения, преобразованного в 1901 г. в Испытательную станцию) во второй половине 1890-х гг. управляющим Р.Э. Ленцем, «чтобы экспертиза не довольствовалась бы *описанием признаков подложности*, но могла бы, *изучая и повторяя разные способы и приемы подделки*, сообщать судебной власти указания, полезные для расследования дела о подделке ценностей». Как он указывал в 1897 г. в ответе на запрос Государственного Контроля, «насколько таким образом введенная экспертиза приносит пользу, может свидетельствовать судебный следователь спб Ок[ужного] Суда по особо важным делам»⁵⁸, сообщивший мне, что экспертиза, произведенная в Экспедиции, оказала ему неоценимую услугу при расследовании дела о подделке кредитных билетов на Кавказе»⁵⁹.

В дальнейшем эта практика получила продолжение. Так, фотохимик Испытательной станции В.В. Вейсенбергер, перечисляя в 1916 г. свои заслуги перед Экспедицией, отмечал: «По поручению князя Б.Б. Голицына я *подделал* при помощи упрощенной Орловской печати обратную сторону 50 руб[левого] кредитного билета образца 1899 г. Кроме того, мною *подделан* ... билет в 10 кр[он], а также железнодорожная акция, [изготовленная типографией] Орель Фюсли и К° в Цюрихе»⁶⁰. Далее Вейсенбергер сообщал, что в 1897 г. он «ознакомился при посещении известного заведения Э. Тильгмана в Гельсингфорсе с фотографией и часто применял ее при *подделке кредитных билетов*»⁶¹. Сам Шульце в заявлении от 20 апреля писал, что «Турчинович при своем поступлении в Испытательную станцию получил ... задачу *сделать несколько проб в области анастатического перевода*, пробы, которые были сделаны когда-то и мною»⁶². Из всего перечисленного можно сделать вывод о том, что мастерам Испытательной станции, независимо от их образования и профессиональной специализации (названные сотрудники были, соответственно, фотохимиком, инженером-технологом и литографом), исследовательская подделка вменялась в обязанность⁶³.

Итогом работы комиссии стало полное оправдание сотрудников, упомянутых в заявлениях Шульце и Пучко. Вторая часть выводов комиссии касалась упорядочивания исследовательской деятельности в ЭЗГБ, поскольку, как показало разбирательство дела, «испытательные работы в Экспедиции в данное время не имеют надлежащей, вполне правильной организации, вследствие чего носят более или менее случайный и недостаточно продуктивный характер»⁶⁴. В результате в конце июля 1917 г. появилась инструкция для заведующего Испытательной станцией, где, в числе прочего, впервые регламентировались как практика испытательной подделки, так и возможность привлечения для разработки способов защиты ценных бумаг и их экспертизы сотрудников других подразделений ЭЗГБ⁶⁵. Опыты же Поповицкого и Ольховского по изготовлению «муровых сеток»⁶⁶ для защиты кредитных билетов вскоре оказались востребованы: ими заинтересовалось новое, советское, правительство в связи с готовившейся эмиссией собственных денежных знаков⁶⁷.

По распоряжению М.К. Лемке 1 июля 1917 г. Шульце, «ввиду создавшегося весьма отрицательного отношения служащих в количестве до 1000 человек к пребыванию» его в Экспедиции и «в особенности, после неосновательных обвинений им двух его сослуживцев»⁶⁸, был уволен. Вначале он делал вид, что не понимает причин своего «внезапного» увольнения, и написал очередное заявление Лемке⁶⁹ (илл. 3); затем пытался оспорить приказ управляющего, направив жалобу в министерство финансов, в ведении которого находилась Экспедиция⁷⁰. В ответе на запрос товарища министра М.И. Фридмана М.К. Лемке указал те же самые основания для увольнения Шульце, что и в резолюции к протоколам комиссии⁷¹. Была уже середина октября 1917 года ...

Можно предполагать, что обиженному на Экспедицию Артуру Шульце удалось вернуться на родину после заключения Брестского мира. Возможно, что перевалочным пунктом

21 IV 17

Господиному Управляющему
 Государственного
 Экономического
 Управления
 в г. Ленинграде

Заявление

25 IV 17

Сним я позволю себе, познакомить Вас,
 Господином Управляющим, с приписками насто-
 ящего выступления некоторых из моих
 сослуживцев против меня. В связи с этим
 я вынужден указать на тяжела злоупотре-
 бления, против которых успешно боро-
 ться до сих пор не удалось.

Настоящая травля против меня не первая.
 ей предшествовала в 1911^м и 1912^м годах
 систематичная травля, которая довела меня
 до того, что я 21^м сент. 1912 г. принужден
 был подать жалобу г. Тавилдарову, которая
 в своем заключении содержала условную
 просьбу об увольнении меня со службы.
 С этими намерениями тогда утверждали,
 что я родственник г. Франка и по этому пользуюсь
 особенным его покровительством. Т. Поповицкий
 смог даже нужным довести об этом господину
 Тавилдарову, надеясь таким образом использо-
 вать для своих целей антагонизм, существовав-
 ший между г. Тавилдаровым и Франком.

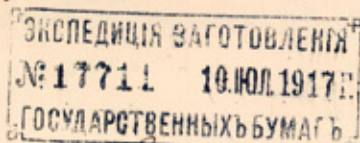
Госп. Тавилдаров узнал через г. Зарина, что
 это ложь. Так как эта ложь и теперь опять
 распространяется, то я заявляю, что фамилию
 Госп. Франка я прочел впервые в приложенном
 при семь тысяч фирм Ленинск и Тазинск
 в Гамбург от 19. марта 1896^м года.

Поповицкий

Зарин

Илл. 2. Первый лист заявления А.И. Шульце на имя управляющего ЭЗГБ М.К. Лемке от 20 апреля 1917 г. с обвинениями против А.А. Поповицкого, В.А. Ольховского и Н.Т. Турчиновича (ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 25. Л. 69)

28
Ген. Управляющему Эксп. Заг. Гос. Бумаг.

Стар. мастера Иск. Ст.
Артура Шульце

Прошение.

На крайнему своему изумлению я узнал, что
будто-бы 4го сего месяца по Экспедиции оповещено
о моем увольнении со службы, состоявшемся 1го июля.

Считая мало вероятным, что во-первых увольнение
мое могло бы состояться неведомо для меня и во-вторых,
кто-бы я, прослуживший почти 19 лет, мог быть
уволенным таким необычным ^{путем}, покорнейше прошу Вас
мне сообщить, действительно ли я уволен со службы
и по какому именно приговору.

Триумфальная Ваше благосклонное ко мне отношение
и столь лестные отзывы, высказанные Вами в при-
сутствии Г-на Чистовича о моем последнем изобре-
тении, льщу себя надеждою, получить от Вас
ответъ съ подробнымъ разъяснением: что именно
послужило поводомъ къ моему увольнению?

Не сознавая за собою положительно никакой вины,
полагаю, что, если противъ меня выставлены какия-
либо обвинения, я должнейшей своей службою заслу-
жилъ того, чтобы мне дали возможность опровергнуть
эти обвинения.

7го июля 1917г.

Артуръ Шульце

Историческое общество.
В.О., 5-я л., г. 30, кв. 7.

на его пути в Германию стало одно из Прибалтийских государств — этим, вероятнее всего, и объясняется упоминание в зарубежных источниках Прибалтики в качестве места происхождения Шульце.

Остается непроясненным сюжет о клише, якобы увезенных Шульце из России. Хотя утверждения Г.Н. Польского и Г. Вермуша о похищении им печатных форм для царских кредитных билетов кажутся журналистским вымыслом, основанным на информации Хёттля и рожденным в попытке связать Шульце с «австро-венгерскими подделками», отметим, ради справедливости, что печатные формы для царских банкнот могли представлять немалый интерес и в послереволюционное время, в течение всего периода Гражданской войны.

Закономерен в этой связи вопрос о физической возможности кражи форм (причем не одной, а, как следует из текста Хёттля, нескольких, для банкнот разного номинала). Эта возможность кажется почти невероятной. На момент начала разбирательства по заявлению служащих Испытательной станции царские банкноты оставались актуальным средством платежа: проекты кредитных билетов Временного правительства еще пребывали в стадии разработки — участники следствия упоминают об этом как о текущей задаче. Сложно вообще предположить, чтобы к действующим формам (т.е. клише для выпуска банкнот образца 1898–1912 гг.), находившимся в работе в Печатном отделении ЭЗГБ и ежедневно инвентаризируемым⁷², имел доступ сотрудник другого подразделения. Не то, что факт хищения, само появление Шульце, например, в Кредитной типографии без письменного разрешения администрации не могло остаться незамеченным. Тем не менее, документального подтверждения столь экстраординарного события или даже его ничтожных опосредованных следов ни в литературе, ни среди материалов архива ЭЗГБ нам обнаружить не удалось.

Также не могла остаться незамеченной кража пробных экземпляров нескольких печатных форм в Испытательной станции, которые возможно хранились там по какой-либо причине (например, исследовательской необходимости). Последний раз Шульце присутствовал на службе 10 апреля, поэтому даже если предположить, что он совершил кражу именно тогда, за столь долгий срок (с апреля по июль, когда он был уволен) ее бы не смогли не заметить, и соответственно должны были приняты меры. К тому же сам Шульце из города не уезжал и о месте своего пребывания, по правилам Экспедиции и в надежде на восстановление в должности, извещал администрацию⁷³. «Немецкий шпион» стал бы первой жертвой подозрений.

Что касается упоминаемых Хёттлем форм для печати червонцев, то очевидно, что Шульце не мог увезти и их, хотя бы потому, что к моменту проектирования этих банкнот (которое происходило в 1922 г. уже на Гознаке в Москве [13, с. 164]) он давно был уволен и покинул пределы своей второй родины.

Таким образом, есть все основания утверждать: на руках у Шульце в 1917 г. не могли оказаться какие-либо находившиеся на государственном учете печатные формы. Однако ими могли стать клише, самостоятельно изготовленные Шульце для фальсификации банкнот. Имея опыт исследовательской подделки, он был в состоянии весьма квалифицированно изготовить фальшивые клише для печати царских кредиток. Поскольку же Шульце имел представление и об арсенале методов защиты банкнот, использовавшемся в ЭЗГБ, что позволяло прогнозировать путь, по которому пойдут его бывшие коллеги в разработке способов защиты новых денежных знаков, следует предположить, что он мог подделать и червонцы. Поэтому вероятность того, что именно с форм, изготовленных Шульце, печатались (при активном участии уже упоминавшегося капитана Г. Эрхардта [2, с. 7; 10, с. 103; 11, с. 67]) те самые фальшивые червонцы, которые будут обнаружены сначала в Берлине, а затем на станции Званка Северной железной дороги и спровоцируют громкие процессы 1929–1930 гг. в Германии и СССР [2; 3, с. 150–160; 9, с. 76–99; 10, с. 96–110; 12], все же сохранятся. Заметим, что в качестве

консультанта следственных органов по делу о фальшивых червонцах был привлечен И.И. Чистович [2, с. 13–14] — непосредственный руководитель Шульце, с 1901 г. заведовавший Испытательной станцией, а с 1918 г.⁷⁴ и до своей смерти в 1941 г. исполнявший обязанности главного эксперта ЭЗГБ/Гознака⁷⁵.

Убеждая Бауэра и Эрхардта, а затем и Виндишгреца в факте присвоения им казенных клише, Шульце, вероятно, хотел прибавить веса своей должности в ЭЗГБ, как предоставлявшей подобную возможность, либо же он таким образом пытался заверить своих партнеров в аутентичности печатных форм, на самом деле изготовленных им самим.

Однако есть еще одно объяснение, относящееся, скорее, к области клинической медицины: украденные клише были всего лишь одной из нездоровых фантазий Шульце — 19 марта 1926 г., в разгар судебного процесса по делу о венгерской афере, он умер в берлинской психиатрической больнице [16, ol. 52; 20, p. 16]⁷⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаю признательность канд. ист. наук Д.Ю. Алексееву за помощь в переводе работ венгерских исследователей.

² То, что источником сведений для двух названных авторов были именно мемуары Хёттля, не вызывает сомнений: больше нигде факт кражи клише, совершенной Шульце, не упоминается.

³ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1458 (Экспедиция заготовления государственных бумаг). Оп. 2. Д. 825 (Дело Канцелярии ЭЗГБ об испрошении высшего разрешения на принятие русского подданства служащими в эзгб подданными иностранных государств. 1899–1901). Л. 11.

⁴ Центральный государственный архив С.-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1255 (Ленинградская бумажная фабрика Гознак). Оп. 1. Д. 30 (Дело Канцелярии ЭЗГБ о клевете Шульце на Поповицкого, Ольховского и Турчиновича и его увольнении от службы. 1917). Л. 75.

⁵ Там же. Л. 85.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1795 (Дело Канцелярии ЭЗГБ о заключении контракта с австрийским подданным Г. Франк и определении его в Экспедицию по найму. 1890–1912). Л. 23–250б.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 69.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 825. Л. 42.

⁹ Там же.

¹⁰ Эта типография, основанная в 1869 г. [5], сотрудничала с Одесской городской думой, Одесским отделением Императорского русского технического общества и другими официальными учреждениями, издавала гимназические учебники, словари, научные труды.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 825. Л. 42. Отметим, что Шульце работал сделно, или «поштучно», как указано в документах, составленных для перехода в российское подданство (там же).

¹² Там же. Д. 2093 (Журнал приказаний по ЭЗГБ. Часть 1. 1902–1910). Л. 230б.

¹³ Там же. Д. 825. Л. 42.

¹⁴ Там же. Л. 26.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 854 (Дело Канцелярии ЭЗГБ о заключении условия с хромолитографом личным почетным гражданином Артуром Ивановичем Шульце по предмету разработки и испытания изобретенной им трехлинейной сетки для автотипии с системой диафрагм. 1902).

¹⁷ О нем см.: [15, с. 82–85].

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 14822 (Дело Домовой конторы ЭЗГБ о Шульце Артуре Иванове. 1902–1917). Л. 1.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 770б.

²⁰ В 1901 г. Испытательное отделение, где в должности хромолитографа работал Шульце, было расформировано, и фототехническая, а также все художественные мастерские с их персоналом переводились в III (Граверно-художественное) отделение ЭЗГБ. Исследовательские и экспертные работы были оставлены за подразделением, которое получило название Испытательной станции

(ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 696 (Дело Канцелярии ЭЗГБ об устройстве Испытательного (Секретного) отделения. 1889–1901). Л. 16. См. также: [1, с. 8–11; 4, с. 36].

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 854. Л. 7–70б.

²² Там же. Оп. 1. Д. 14822. Л. 10. По другим сведениям — с 1 ноября того же года (Там же. Оп. 2. Д. 2093. Л. 230б.).

²³ Там же. Л. 69, 800б.

²⁴ Хочется отметить, что частые отлучки рядовых сотрудников были редким явлением в практике ЭЗГБ: отпуска на срок более двух недель испрашивались обычно раз в несколько лет либо же их брали для восстановления здоровья после болезни.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 14822. Л. 17.

²⁶ Там же. Л. 18.

²⁷ Там же. Л. 22–25.

²⁸ Там же. Л. 26.

²⁹ Там же. Л. 7, 8.

³⁰ Там же. Л. 12.

³¹ Там же. Л. 11.

³² Там же. Л. 12.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 992 (Дело Канцелярии ЭЗГБ по техническим конференциям с представителями государственных типографий в Берлине и Вене. Ч. 2. 1909–1914). Л. 119.

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 10. Д. 1 (Дело Канцелярии ЭЗГБ о созыве конференции директоров эмиссионных банков Европы для обсуждения способов охраны ценных знаков. Ч. 1. 1905–1908).

³⁵ В июне 1909 г. главный техник ЭЗГБ по художественно-графической части, статский советник Г.И. Франк подал прошение об увольнении (по домашним обстоятельствам) и переехал в Мюнхен. Два года, с июля 1909 по ноябрь 1911 г., Франк продолжал «удаленно» исполнять некоторые из своих прежних обязанностей, приезжая в Петербург несколько раз в год. В 1912 г. его официальные отношения с Экспедицией прекратились (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1795. Л. 131–187).

³⁶ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 69. Действительно, ЭЗГБ собиралась выпустить к юбилейным торжествам репродукции двух работ — известного полотна Г.И. Угрюмова «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова 14 марта 1613 г.» (кон. XVIII в.) и картины А.Ф. Максимова «Избранный на царство Михаил Федорович получает царский посох», написанной к предстоящему юбилею по заказу самой ЭЗГБ в 1911 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1007 (Дело Канцелярии ЭЗГБ по изданию разных рисунков по случаю предстоящего в 1913 году празднования 300-летия царствования Дома Романовых. 1910–1913). Какую из них литографировал Шульце, на данный момент нам не известно.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 69.

³⁸ Имеется в виду дело 1915 г. о фальсификации 100- и 500-рублевых купюр, по которому были арестованы организаторы — авантюристы Н.А. Соловьев и В.В. Гидулянов, а также фальшивомонетчик-рецидивист, гравер Александр Пост, собственно и осуществлявший подделку, причем на очень высоком уровне [7]. Некоторые авторы, в том числе упоминавшиеся здесь Г.Н. Польской и Г. Вермуш, вслед за Д.Я. Мирским [6, с. 55] ошибочно объясняли появление фальшивых купюр этого высокого достоинства в военное время исключительно экономической диверсией Австро-Венгрии. Первое уголовное дело, по которому был осужден Пост и в расследовании которого также принимали участие эксперты ЭЗГБ — дело о подделке в Лифляндской губернии кредитных билетов трехрублевого достоинства 1896–1897 гг. (ЦГИА СПб. Ф. 2126 (Судебный следователь по особо важным делам Санкт-Петербургского окружного суда А.В. Бурцев). Оп. 1 (Предварительное следствие по делу о подделке в Лифляндской губернии кредитных билетов трехрублевого достоинства. 24 декабря 1896 – 5 июля 1897 г.). Д. 1, 2).

³⁹ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 77.

⁴⁰ Речь несомненно идет о Г.И. Франке.

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

⁴² Хотя озабоченность составителей заявления сохранением производственных секретов выглядит убедительной, представляется, что действительным поводом для появления этого документа были не

столько национальность Шульце и его дружба с Франком, сколько его личные качества. Так, в показаниях лиц, опрошенных впоследствии специальной комиссией (см. ниже), часто встречаются указания на вспыльчивый нрав, «несносный характер» Шульце, на то, что он вообще «невыносимый и неприятный человек, которого никто терпеть не может» (См., напр.: ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 770б., 800б., 85).

⁴³ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 3.

⁴⁴ Там же. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 860б.

⁴⁶ Турчинович Николай Терентьевич (1881–1943) — потомственный инженер-технолог, выпускник Петербургского Технологического института (1904); преподаватель химии, технического черчения и руководитель лабораторных работ в низшем химико-техническом училище в составе Казанского промышленного училища (1905–1907). Определен на службу в ЭЗГБ в Испытательную станцию с 1 сентября 1913 г. В 1916 г. — заведующий лабораторией по испытанию бумаги Испытательной станции. В марте 1918 г. с введением новых штатов ЭЗГБ назначен старшим химиком Испытательной лаборатории. В 1919–1925 гг. — химик, затем старший химик Бумагоделательного отделения ЭЗГБ/ Гознака (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 13326 (Дело Домовой конторы ЭЗГБ о Турчиновиче Николае. 1913–1915); Оп. 2. Д. 1774 (Дело Канцелярии ЭЗГБ об определении инженер-технолога Николая Турчиновича на службу в Экспедицию. 1913–1927).

⁴⁷ Ольховский Валериан Александрович (1887–?) — выпускник петербургского реального училища Г.А. Видемана и слушатель Петербургского Технологического института (в 1907–1913 гг., курса не окончил). В 1913 г. поступил на государственную службу бухгалтером в Петербургскую контору Государственного банка, откуда в октябре 1915 г. перевелся в ЭЗГБ. Назначен и.о. административного заведующего фототехнической мастерской Граверно-художественного отделения; в январе 1917 г. переведен в Печатное отделение заведующим художественно-печатной мастерской. В советское время исполнял обязанности заведующего отделом в Печатном отделении ЭЗГБ, затем заведовал этим отделением; принимал активное участие в эвакуации Печатного отделения в Москву. Уволился по состоянию здоровья в январе 1920 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 9623 (Дело Домовой конторы ЭЗГБ об Ольховском Валериане. 1915–1916); Оп. 2. Д. 1613 (Дело Канцелярии ЭЗГБ о переводе на службу в Экспедицию на должность помощника делопроизводителя коллежского регистратора Валериана Ольховского. 1914–1920).

⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 69–75.

⁴⁹ Там же. Л. 70–710б.

⁵⁰ Там же. Л. 710б. –74.

⁵¹ Там же. Л. 65–660б.

⁵² Там же. Л. 4–58, 59, 60–61.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1547 (Дело Канцелярии ЭЗГБ о переводе С.О. Максимова на службу в ЭЗГБ). Л. 67, 670б.

⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 68.

⁵⁵ Там же. Л. 67.

⁵⁶ Там же. Л. 76–79 (Протокол заседания 16 мая), 80–83 (Протокол заседания 19 мая), 84–87 (Протокол заседания 24 мая), 88–91 (Протокол заседания 25 мая), 62–64 (Протокол заседания 6 июня).

⁵⁷ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 77.

⁵⁸ Вероятно, речь идет о следователе по особо важным делам Петербургского окружного суда А.В. Бурцеве, неоднократно сотрудничавшем с ЭЗГБ при расследовании дел о фальшивомонетничестве (См., напр.: ЦГИА СПб. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 2. Л. 80–830б., 149).

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 696. Л. 140б.

⁶⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2467 (Дело Домовой конторы ЭЗГБ о Вейсенбергере Вильгельме. 1905–1916). Л. 200б.

⁶¹ Там же.

⁶² ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 700б.

⁶³ С 1915 г., как отмечалось выше, выполнение задач в этой области (вместе с разработкой способов защиты) поручалось и сотрудникам фототехнической мастерской, в частности, А.А. Поповицкому,

очевидно, уже имевшему опыт исследовательской подделки, поскольку до 1901 г. он был сотрудником Испытательного отделения (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2091 (Журнал приказаний [по ЭЗГБ] с 19 августа 1889 г. по 1894 г. Ч. 3). Л. 116; Д. 2092 (Журнал приказаний [по ЭЗГБ] с 1895 по 1902 г. Ч. 4). Л. 18106.).

⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 63.

⁶⁵ Там же. Д. 25 (Протоколы заседаний по вопросу расследования обвинений, предъявленных Шульце к Поповицкому, Ольховскому, Турчиновичу и др. 1917). Л. 230б.

⁶⁶ Справочная книга ЭЗГБ на 1 апреля 1918 г. Пг.: ЭЗГБ, 1918. С. 111.

⁶⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 86–87 (Письмо А.А. Поповицкого секретарю Совнарнома Н.П. Горбунову по поводу необходимого оборудования для реализации муаровой печати, сроков изготовления денежных знаков этим способом, защищенности оных и стоимости. 1918).

⁶⁸ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 62 (Резолюция М.К. Лемке на итоговом протоколе комиссии от 6 июня 1917 г.).

⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 14822. Л. 28–280б.

⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 30. Л. 104.

⁷¹ Там же. Л. 105.

⁷² См. инструкцию «Хранение штемпелей, матриц и стереотипов для кредитных билетов» 1912 г. (Справочная книга эзгб на 1 апреля 1918 г. С. 71).

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 14822. Л. 28.

⁷⁴ Справочная книга ЭЗГБ ... С. 421.

⁷⁵ Известия. 22 апреля 1941 г. (№ 94). С. 4.

⁷⁶ Хотя в акте судебно-медицинской экспертизы причиной смерти А. Шульце названа пневмония, ходили упорные слухи о том, что он был отравлен [21, p. 522].

14. Хаген В. (Хёттль В.) Фальшивомонетчики Третьего рейха. Операция «Бернгард» / пер. с нем. Ю. Чупрова, О. Лемехова. М.: Вече, 2004. 368 с. (Особый архив) // Большая онлайн библиотека: [Эл. ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/bookreader.php/> (дата обращения: 10.09.2016).

15. Цыпкин Д.О. Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898–1963 гг. (концепции, учреждения, ученые): дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2009. 237 с.

16. Ablonczy B. A frankhamisítás: hálók, személyek, döntések // Multunk. 2008. № 1. Ol. 29–56.

17. Ablonczy B. Összeesküvés a frank Ellen // Rubicon. 2005. N 9. Ol. 32–36.

18. Bako E. Past and Present of Hungarian Archival Collections // The American Archivist. 1957. № 3. P. 201–207: [Digital data]. URL: <http://americanarchivist.org> (date of access: 13.10.2016).

19. Ormos M. Hamis frankokkal teli bőröndök // Skandalum — Magyar közéleti botrányok 1843–1991 / A. Gerő (szerk.). Budapest: T-Twins, 1993. Ol. 175–192.

20. Papp J. L'affaire des faux billets // Gavroche — Journal d'histoire populaire. 2005. № 140. Mars-avril. P. 1–7: [Digital data]. URL: <http://archivesautonomies.org/spip.php?article299> (date of access: 13.10.2016).

21. Petruccelli D. Banknotes from the Underground: Counterfeiting and the International Order in Interwar Europe // Journal of Contemporary History. 2016. Vol. 51. Iss. 3. P. 507–530: [Digital data]. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0022009415577003> (date of access: 20.12.2016).

22. Vrain C. L'affaire des faux billets français en Hongrie 1925–1926 // La faille de la paix en Europe Centrale – Le révisionnisme hongrois et ses conséquences, 1918–1939. Paris: Vécu Contemporain, 1996. P. 38–51.

ЛИТЕРАТУРА И РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТ

1. Балаченкова А.П. К истории Испытательного (Секретного) отделения эзгб (1889–1901) // Фотография. Изображение. Документ: науч. сб. Вып. 5(5). СПб.: РОСФОТО, 2014. С. 8–11.

2. Бройде С.О. Фальшивомонетчики за работой [Суд над Шиллером и др.]. М.: Госюриздат, 1930. 136 с.

3. Вермуш Г. Аферы с фальшивыми деньгами / пер. с нем. Н.В. Вардуля. М.: Международные отношения, 1990. 220 с.

4. Вознесенский С.В. Первые сто лет Экспедиции заготовления государственных бумаг. СПб.: Нестор-История, 2009. 426 с.

5. Герасимова С. История предприятий [Одессы] // Black Sea Research Project: [Офиц. сайт]. URL: <https://cities.blacksea.gr/ru/odessa/4-1-5/> (дата обращения: 23.11.2016).

6. Мирский Д.Я. Титулованные фальшивомонетчики // Наука и жизнь. 1969. № 10. С. 51–57.

7. Николаев Р.В. 500 рублей, которые потрясли сыск // Водяной знак. 2004. № 4: [Эл. ресурс]. URL: <http://www.vodyanoznak.ru/magazine/12/256.htm> (дата обращения: 04.10.2016).

8. ОАО «Черноморполиграфметалл»: [Офиц. сайт]. URL: <http://chpm.ukrbiz.info/about.html> (дата обращения 12.10. 2016).

9. Польской Г.Н. Рыцари фальшивых банкнот. М.: Юридическая литература, 1982. 176 с.

10. Польской Г.Н. Тайны «монетного двора»: очерки истории фальшивомонетничества с древнейших времен и до наших дней. М.: Финансы и статистика, 1996. 256 с.

11. Норден А. Фальсификаторы (К истории германо-советских отношений) / пер. с нем. К.В. Кычаковой, А.Н. Семеновы и С.А. Халецкой. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 272 с.

12. Сапаров А.В. Фальшивые червонцы // А.В. Сапаров. Фальшивые червонцы: две повести из хроники чекистских будней. Л.: Лениздат, 1972. С. 207–302.

13. Трачук А.В., Никифорова Н.М. Экспедиция заготовления государственных бумаг. 1818–2008. Федеральное государственное унитарное предприятие «Гознак»: история в событиях, датах, судьбах. М.: ИМА-Пресс, 2008. 403 с.